

Глава 1,
*в которой два события,
весьма косвенно связанных друг с другом,
дают начало новой истории*

Жизнь частенько вышибала из меня всю дурь,
но я точно знал, где взять еще.

*Из невошедшего в общедоступный вариант
автобиографии покойного императора*

Началась эта история с событий, мало друг с другом связанных: с карточного проигрыша, газеты, попавшей не в те руки, и чашки кофию.

Первым был проигрыш.

Если на то уж пошло, то азартные игры были строго-настрого запрещены в стенах Петербургского университета высшей магии, пребывавшего под высочайшим покровительством и оттого весьма старательно блюдшего моральный облик не только сотрудников, но и студий-усов. Последние к подобному блюдению, впрочем, относились вовсе без пиетету, так и норовя нарушить правила писанные, неписанные и вообще всякие существующие. И пусть бы играть на деньги они все же поостереглись, но ведь можно и не на деньги.

Ежели тишком, аккуратненько. Ну или хотя бы без оргий и буйства, как о том просил куратор выпускного пятого курса князь Рестрепьев.

Игроки собрались в одном небольшом, но весьма известном в узких кругах клубе, где и отмечали успешную защиту дипломов.

Не то чтобы далась она тяжело, но...

Привычки. Ритуалы. И повод опять же хороший.

Вот и сидели тесной компанией. Можно сказать, вели высокомудрые беседы о судьбах мира и империи. А уж

кто в этой компании карты вытащил, после выяснить не удалось.

Да и то... на интерес же, не на деньги. Если не на деньги, то почему бы и нет?

— А я тебе говорю, Кошкин, не умеешь играть — не садись. — Юный граф Ахромеев улыбался широко и радостно, причем радость была вполне искренней.

А вот Кошкин с трудом сдерживал досаду. Это ж надо было так опростоволоситься! Карта ж хорошая была! Отличная даже.

— Да ладно, — по спине хлопнули, в руку сунули бокал с шампанским, — чего уши развесил? С кем не бывает!

Про уши обидно, но скорее по привычке, потому что они совсем даже не висят. А шампанское ложится поверх виски. Следом пара коктейлей особого списка, из тех, что и магов возьмут, и вот уже собственный проигрыш не кажется обидным.

В самом-то деле, с кем не бывает... Правда, Ахромеев прищурился, небось обиды вспоминает, коих за пять лет учебы набралось немало. Не такие, конечно, чтоб на дуэль вызывать, отнюдь. Но напакостит.

Вон, нос сморщил, явно раздумывая, чего же такого загадать...

— Задаст он тебе, Ванька. — Береслав тоже заметил это и поспешил предупредить.

Поздноватенько он...

Кошкин поморщился. Не любил он свое имя. Категорически. Вот кто додумался будущего князя, — а ведь иных наследников у дядюшки все одно нет, — так вот, будущего князя, еще и наполовину эльфийских кровей, чем Кошкин во глубине души весьма гордился, называть Иваном?

Иван Эльдариелевич Кошкин.

Убиться.

Зеркала кабинета отразили скорбную физию, которую явно заметил не один Ахромеев, и Кошкин поспешил изобразить радость вкупе с предвкушением.

Гадость загадает. Тут и думать нечего.

Вспомнит Светку Безрукову, что на первом курсе Ивана предпочла. И ту актриску, которую Ахромеев три

месяца обхаживал с подарками, а она... И других тоже. А к уху Ахромеева уже Василенко наклонился, шепчет чего-то, на Кошкина поглядывая превыразительно. Этот тоже... Ну вот всегда так.

Иван же ж не специально. Просто само как-то получалось. Вот. А они обижаются...

— Точно задаст. — Береслав забрал пустой бокал и сунул в руки полный. — Ты пей, пей, на хмельную голову дурь творить легче...

В сотворении дури Береслав Святогорович Волотов толк знал. И немалый.

И Кошкин шампанское выпил, что еще оставалось делать.

— Придумали! — Глаза Ахромеева блестели, явно предвкушая нечто этакое. — Если откажешься, мы пойдем... Карточный долг — дело святое, но с тебя, нелюдя, спрос невелик. — Стало обидно, и Кошкин четко осознал, что от этого долга отвертеться не выйдет. — Ныне, сколь знаю, у княгини Безуховой бал-маскарад состоится. Так отчего бы тебе, Кошкин, в нем не поучаствовать?

— Костюма нет. — Кошкин подумал, что двух бокалов шампанского, даже в сочетании с коктейлями, будет маловато.

— А и не надо, у тебя, почитай, все и есть. — Ахромеев наклонился и заговорил громким шепотом: — Делаешь вот как...

Дослушав, Кошкин протянул руку, в которую Волотов вложил очередной бокал. Правда, не с шампанским.

— Что за!.. — Иван допил и задохнулся, а когда отдышался, жизнь уже не казалась такой... ужасной. Бабушка, конечно, расстроится.

— Наша, фирменная. — Волотов вытащил флягу и разлил остатки огненного пойла по стаканам. — Давайте... Ты это... главное, уверенно... подошел, раскланялся с хозяйкой...

— А удар ее не хватит? — поинтересовался Иван.

Огненное зелье растекалось по крови, и вот уже затея начинала казаться не глупою, а весьма даже забавною... такого точно никто не делал.

— Не хватит, — Безухов вздохнул, — прабабка еще меня переживет. Только пройдем черным ходом, а то раньше времени остановят еще... Я проведу.

На том и порешили.

Второе событие случилось за завтраком, когда его императорское величество, милостью Господней, государь и самодержец Всероссийский Александр VI подавился кофеем и кренделем. И так серьезно, что, ежели бы не расторопность князя Поржавского, с коим император соизволил разделить завтрак, держава, может стать, и осиротела бы.

Снова.

— Кх-бхблагодарствую, — просипел император, сплевывая в платок кусок кренделя, вставший поперек горла.

Князь лишь головой покачал.

— А я говорил, что негоже за завтраком газеты читать. — Отняв листок, он вернулся на место.

Кому другому подобная вольность, может, с рук и не сошла бы, но князь состоял при особе императора с младенчества, а потому был весьма почитаем и уважаем.

— Ты... сам поглянь, что пишут... ироды. — Император отер лоб салфеткою и на скатерть посмотрел.

Кофий разлился, и на скатерти образовалось пятно, в коем Александру примерещилось некое сходство с картой империи, причем не нынешней, а времен прошлого века, когда государство было куда как побольше.

Меж тем князь газетенку развернул и пробормотал:

— А если так почитать охота, то вовсе читали бы чего приличное... «Вестник» вот или на худой конец «Светские новости».

— Пробовал. — Император, осознав, что не может трапезничать за столом, где даже скатерть напоминает ему об утраченном величии, поднялся.

Князь за ним. Расположение расположением, но порядок соблюдать надобно.

Тем паче князь сам был большим приверженцем порядка. И мысль о том, что оный есть основа основ всего сущего, подопечному внушал с тех же младенческих лет, с коих ему было доверено воспитание наследника.

— И чего?

— Да тоскливо как-то. Прославляют.

Император вышел из залы, дабы не смущать прислугу. Был он человеком весьма неплохим, всяко не худшим из самодержцев, которым случалось занимать трон. Но отчего-то вольная пресса наотрез отказывалась принимать данный факт.

— Так это хорошо, — заметил князь, скользнув взглядом по строкам.

Вот понапишут всякого, а потом люди расстраиваются.

— Больно как-то они... — император вздохнул, — старательно прославляют.

— Лучше это вот? — Князь сложил газетенку, которую с превеликой радостью выкинул бы, а то и вовсе запретил. — Чтоб писали... погоди... о «противоестественных наклонностях, разрушающих саму суть...»

Император снова вздохнул.

— И что с ними делать, а?

— Ну... ваш отец отправил бы в лечебницу для душевнобольных, — с готовностью ответил Поржавский. — Ваш дед — на каторгу, а прадед — сразу на плаху бы, чтоб не тратиться.

— А мне что?

— А вы — монарх современный, просвещенный, ратующий за равные права граждан. Вам так невозможно. — Третий вздох был тягостней предыдущих. — Жениться вам надобно, ваше величество. Уж который год твержу. Тогда и поумолкнут.

— Нового чего выдумают.

— Или хотя бы любовницу людям покажите, глядишь, и приспокоятся.

Император покраснел.

Было ему двадцать два года, и на престол он взошел в результате несчастного случая, которые и с особами голубых кровей приключаются. Особенно когда те, в подпитии будучи, решают доказать собственную удаль, причем особо извращенным способом — седлая необъезженного коня. Поскольку в тот трагический вечер компанию императору составляли его весьма близкие приятели из числа гвардейцев и были они тоже нетрезвы, идея всем показалась просто замечательной.

Жеребца даже оседлали.

И помогли в седло забраться. Маги же ж...

Потом коня по требованию императора отпустили и... Скотина оказалась с норовом, защиту его императорское величество не удосужились использовать, ибо было то противно натуре истинного рыцаря, а в седле не удержались по-за нарушения координации.

Падение. Сломанная шея. И разом протрезвевшая гвардия.

Разбирательство было долгим, нудным. Спецслужбы копали, пытаясь отыскать в произошедшем признаки заговора или хотя бы след врага, но... увы.

Виновные были отлучены от двора, кто-то лишился титулов, кто-то — званий. Кто-то даже под суд попал, но Александр, которому пришлось с головой погрузиться в дело, перечитывая бесконечные протоколы допросов и вникая в родословную несчастного жеребца, составленную в попытке хоть там углядеть злокозненный след, решил, что особой вины ни на ком нет, и волей своей помиловал.

Не сразу, конечно, но приурочив амнистию, как сие издревле водилось, к коронационным торжествам.

Народ, пребывавший в столь же глубоком удивлении, что и весь двор, к смене власти отнесся с некоторым подозрением. Все же был Александр молод. Учебу только-только закончил. И помолвку с невестой расторг незадолго до несчастья. В народной памяти два события связались воедино, что добавило недоверия к власти. А уж кто первым решил, будто Александр стоит за смертью отца, теперь и не упомнить.

Оно, конечно, к делу отношения и не имело бы, но...

Одна статейка. Другая...

Потом третья и четвертая, пусть и не в газетах, но где-то там, на порталах, куда император порой заглядывал почитать, чем подданные живут. И главное, ничего-то напрямую, все оговорками да намеками. Приключившуюся следом засуху сочли очередным знаком недовольства Господа правящими властями, как и обрушение храма в Твери. И пусть храм был стар, закрыт на реконструкцию, а до обрушения император о нем и знать не знал, но...

Потом было наводнение.

Слухи раз от раза становились все гаже, а теперь это вот...

— Найдите. — Александр подавил очередной вздох.

А ведь была мысль от короны отречься. Ну не видел он себя императором. И отцу о том говорил, а тот только смеялся. Мол, раз угораздило наследником родиться, терпи. А там, глядишь, братец подрастет, тогда и будешь отрекаться.

Брату было тринадцать.

А еще учеба... Стоило подумать, как заныли зубы.

— Найдем, — пообещал князь.

Он за воспитанника своего переживал весьма искренне. И власти не искал. И привилегий.

— С газетенкой...

— Разберемся. А то вольности вольностями, но берега видеть должны бы... и того, кто этот пасквиль сочинил, сыщем.

Император кивнул. Оно-то да, да только опус этот наверняка еще в трех местах перепечатают, если вовсе не в тридцати. И в сеть попадет. И обрастет новыми слухами.

Нет, иначе. Что там князь про любовниц говорил?

— А и правда, — мысль вдруг показалась действительно здоровой, — подыщите кого из девиц, кто на роль любовницы сгодится. Пусть нас снимут, вроде как тайком... с любовницей.

— А как же баронесса...

— Она ж замужем. Да и расстались мы.

— Что на сей раз?

— Заявила, что я обязан назначить ее супруга губернатором. И ладно бы городок выбрала какой небольшой, Калугу там или Менск... Нет, ей Москва понадобилась.

— Шуваловы будут против.

— И я о том. Думаешь, помогло?

Князь был уверен, что нет. Баронесса Моллье, в девичестве Калиновская, была, несомненно, красива, но умом не отличалась. Зато отличалась редкостной скаредностью и любовью к деньгам. Особенно это чувство усиливалось в отношении к деньгам чужим. И потому связь эту Поржавский не одобрял категорически. Но поелику после расставания с невестой у Александра как-то совсем с жен-

ским полом не заладилось, терпел, неодобрение свое при себе удерживая.

— Я ей говорил, да разве ж слушает? Почему никто меня не слушает, а? Министрам говорю, те кивают, что болванчики, а толку? Все одно по-своему делают. Думцы глядят снисходительно, но проекты один за другим заворачивают. Я вообще самодержец или как?!

— Или как. — Когда-то князь взял себе за правило подопечному не лгать. — Власть, она такова, что пока ты сам ее не возьмешь, то и не дастся...

Его императорское величество с тоской уставился в окно.

За окном зеленел парк. Дорожки. Кусты. Деревя.

Весна вовсю разгулялась, до лета всего-то ничего, а радости в душе нет.

— Мне уже намекали, что с меня довольно подписи... и что сам я могу идти в парке гулять... с девицами. Охоты, балы... прочее все.

И о том князь знал.

— Почему ты молчишь?

— Потому что ты сам должен понять, чего хочешь. Если в парк и гулять, то особого вреда не случится. Лет пару. Или больше, нежели пару. Держава крепка... пока еще.

— Вот именно, что пока. Я ж понимаю, что слухи эти кто-то раздувает. — Император стиснул кулак. — И что отречение мое в пользу Мишки многих порадует. Создадут регентский совет... Хотя если уйду в парк, то и слухи прекратятся.

— Скорее всего.

— Хрен им. — Император выдохнул. — Газетенку эту... тряхни. Найди владельца и намекни, что я, может, монарх и просвещенный, да только тоже кое-чего могу. Будут пакости писать, отправлю их с особым заданием на землю Франца-Иосифа... писать об успехах сельского хозяйства.

— Так там сельского хозяйства нет, — удивился князь.

— Вот... Как появится, так сразу разрешу написать об успехах и вернуться. Даже награжу. Медалью. За самоотверженное служение отечеству.

Он покосился на свое отражение, а то — на императора. Было отражение... так себе.

О чем невеста, когда он задал ей вопрос по поводу неких компрометирующих фото, что всплыли в сети, ему и сказала. И про нос большой. И про подбородок вялый. И про мышечный тонус.

Семья ее, конечно, сказанного не одобрила и даже заставила принести извинения, когда Александр предупредил о расторжении помолвки, но слова были сказаны.

И запали в душу. Глубоко.

А еще сказала, что он мягкохарактерный. И тут, получается, была права. Дело ведь не в нелепой газетенке, в сети и похлеще статьи пишут. Дело в том, что стала она последней каплей, истощившей терпение Александра.

Он задумчиво потер белоснежную манжету, на которой выделялись темные капельки кофе, и сказал:

— Мне кое-какие отчеты понадобятся... к следующему заседанию совета. — И отвернулся от окна.

И вовсе даже нормальная у него шея. Человеческая. А не как у того тренера по... по чему там тренер был, память не сохранила.

— И доведи, что я хочу видеть всех... А то взяли моду — то у них отпуска, то больничные... социальные, чтоб их, гарантии. Может, я тоже в отпуск хочу. И социальные гарантии...

Глава 2,

где вершатся дела государственные и большое внимание уделяется проблемам сельского хозяйства

Даже если в жизни наступила жопонька, подберите для нее красивые кружевные труселя.

*Мнение первого секретаря министерства спорта и туризма,
высказанное ею после неожиданной смены руководства,
что несколько нарушило жизненные планы и нанесло удар
по женскому самолюбию*

Совет Российской империи был мероприятием довольно рутинным и на диво скучным, а потому особого энтузиазма среди участников не вызывал. Да и прошли времена, когда на данном совете решались вопросы глобальные,

влияющие на жизнь страны. Нет, нынешние тоже влияли, но куда как скромнее. Махина империи работала исправно, не требуя и даже избегая излишнего участия в ее работе, и потому особая приписка об обязательном присутствии многими была принята... с опаскою, пожалуй.

Опечалился министр путей сообщения, вспоминая, не дошла ли какая из многочисленных жалоб до императора. Призадумался об отставке министр просвещения, реформа коего, начатая еще позапрошлым министром и дважды сама реформировавшаяся, несколько затянулась и оказалась куда более дорогой, чем это представлялось вначале. Министр здравоохранения привычно пощупал карман, в котором хранил пилюли, — уверяя, что исключительно в целях самоуспокоения.

— Не знаете, часом, по какому поводу-то? — осторожно поинтересовался князь Василевский, глава министерства связи и массовых коммуникаций, пребывавший в настроении глубокой меланхолии, ибо смутно подозревал о причинах высочайшего недовольства и даже ждал его.

Но в частном порядке.

— А то вы не ведаете, — фыркнул министр сельского хозяйства и стиснул папку с докладом. — Вечно ваши щелкоперы понаписывают, а нам потом выслушивай.

— Это не наши! — возразил министр, промокнув затылку платком. — Наши щелкоперы знают, что писать и как писать. Это какие-то совершенно посторонние. Частного порядка! И мы уже довели до их сведения, что информация, представленная в газете, не соответствует действительности.

— Ага! — фыркнул министр внутренних дел, который сидел слегка наособицу. Был он человеком простым, выслужился из самых низов, а потому к иным относился с подозрением. Впрочем, весьма взаимным. — А они взяли и раскаялись...

— Это... это частная газета! Коммерческого толку.

— Вот-вот, коммерческого. За копейку мать родную не пожалеют. Давно надо было прекращать эту... коммерцию. — Министр внутренних дел даже кулаком по столу дал. Но стол был крепким, дубовым, зачарованным еще прабабкой нынешнего императора, которая в природной

рачительности своей весьма переживала за мебель. — И цензуру возвращать надо!

— Боюсь, что не поймут. Нынешний век диктует новые тенденции — гласность, доступность. Открытость...

Василевский горестно вздохнул, поскольку открытость с гласностью вкупе обернулись раннею язвой, про которую целители говорили, что возникла она исключительно от нервов. И теперь в животе заворочалось, заныло.

— Да и как их найдешь-то, — попытался оправдаться князь, — они же ж не тут, они ж этот пасквиль из интернета перепечатали... — О чем вполне искренне сожалеют, поскольку прибыль от проданного тиража не покрывает убытков от закрытия типографии и самой газетенки. — А кто там в этих интернетах чего насочинял, разве ж найдешь?

— Обижаете. Было бы желание, а найти... — И министр внутренних дел протянул бумажечку.

Разворачивал ее Василевский с некоторой опаской, и имя, на бумажечке начертанное нервною рукой министра внутренних дел, спокойствия не добавило. Вот же ж... А ему говорили. Старший помощник так прямо и заявил, пусть и бездоказательно. Вот именно, что бездоказательно! Род старый, славный. И чтоб подобное? Да разве ж можно в такое поверить?

И Василевский с легкой душой позволил себе не верить. Еще понадеялся, что, может, обойдется.

Не обошлось.

— Вы уж намекните, — сказал министр внутренних дел предоверительным тоном, от которого и язва приоткрылась, и в душе появились нехорошие предчувствия, — что времена, может, ныне и новые, да только каторга у нас старая. Уж больно далека от столицы, вот реформы и не дошли. Там не то что о доступности с гласностью, там в принципе о правах человека ведают мало и плохо. Про открытость и вовсе молчу.

— Н-намекну.

Вот же... зараза стоеросовая.

Мог бы и сам все решить. Что ему мешало позвонить главе рода? Сказать так вот предоверительно про каторгу, про... но связываться не хочет.

Знает, до чего Волотовы злопамятны.

А Василевскому теперь отдувайся.

Додумать не вышло, ибо отворилась дверь, резко, напоминая, что норовом нынешний император даже не в батюшку пошел, а в деда своего, и министры поспешно поднялись.

— Доброго дня! — радостно произнес император, и от этой не имеющей явных причин радости Василевскому совсем уж поплохело.

А может, ну его? Портфель этот министерский... Стоило ради него интриговать, рваться?

Подать в отставку. Перекинуть дела вкупе с этой бумажкой, которую князь сунул в карман, помощнику, раз уж так ему хочется, а самому в Сибирь. Не на каторгу, конечно, но в родовое поместье. И там уж, в глуши да тиши, нервы залечивать рыбалкой. На медведя опять же сходить можно. Говорят, охота на медведя очень способствует переосмыслению жизни и переоценке ценностей, особенно если идти не с ружьем, а с рогатиной.

— Рад, что все в сборе! — Император занял место во главе стола.

За его спиной молчаливой фигурой застыл князь Поржавский. Секретарь, сопровождавший его величество, аккуратно положил пред императором стопку папок.

Медведь, конечно, зверь опасный, но... разве что помнет.

— Начнем заседание с ряда любопытных моментов. Вот скажите, Георгий Васильевич, сколько магов ежегодно выпускает Петербургский университет?

— Всего? — осторожно переспросил министр образования, явно не готовый к столь коварным вопросам. Сопровождавший его помощник наклонился и шепнул что-то. — Ежегодно — двести сорок или двести пятьдесят... в зависимости от набора, старательности при учебе, отсева.

— А Московский? — Снова помощник, и это не осталось незамеченным. — Пусть он отвечает. — Император указал на помощника, который тотчас вытянулся и четко доложил:

— От ста пятидесяти до ста семидесяти трех совокупно по всем факультетам.

— А остальные заведения?

— Еще около трехсот, иногда трехсот пятидесяти...

— И сколько из этих магов учатся бюджетно?

— Все. — Помощник выглядел смущенным. — Ваш дед постановил, что образование магов — дело государственной важности, а потому должно идти за счет государства.

— Чудесно! — Улыбка императора стала еще шире, а Василевский нащупал в кармане платочек, смахнул пот со лба. — Таким образом, если я верно посчитал, то ежегодно империя пополняется семьями специалистами высокой квалификации, магистрами прикладной магии разного профиля. Так?

— Т-так...

— Видите, Евгений Афанасьевич, — повернулся император к министру труда и социальной защиты, — а вы мне на нехватку специалистов жалуетесь...

— Так эти маги только на бумаге и числятся! — Евгений Афанасьевич Стариков в министрах ходил давно, а потому был опытен и непуглив. И даже порой позволял себе говорить что думает. — Учиться-то они учатся, а потом... — Он выразительно замолчал.

— И что потом? — Император подвинул к себе ближайшую папку. — Хотя... можете не отвечать. Потом они возвращаются в рода, где и служат их интересам, позабывши отчего-то, что служить в первую очередь должны отечеству. Что мой прадед, выводя магов во дворяне, поставил это служение обязательным... — Император умел говорить спокойно и даже нудно.

— Но так-то...

— Так-то... Что мы имеем в итоге? А имеем... Засуху имеем? На югах?

— Имеем, — вздохнул министр сельского хозяйства. — Пока еще только начинается, но год обещается быть засушливее прошлого...

— Зато на востоке затапливает. Так?

— Так, но...

— Весной заморозки, осенью тоже. Еще нашествие... чего там? Яблоневого плодового жука, кажется, так?

— Это прошлой осенью было, — подал голос министр сельского хозяйства. — У нас из-за того дефицит яблок случился.

— Да, да... и пришлось пускать на внутренний рынок Турцию с Европой. Отчего цены поднялись... — Император махнул рукой. — Попробуй теперь их выдави. Люди жалобы шлют, что в магазинах засилье иностранщины. А отечественная продукция где? — Ответом было молчание. — Ладно яблоки... Морковка где?

— Так червец...

— Еще и червец. Боретесь хоть?

— Боремся, — поспешил заверить министр сельского хозяйства. — Не щадя живота своего!

— И как успехи?

Успехи, судя по выражению лица министра, были так себе. Не сильно победоносные...

— Препараты на него слабо действуют, а магов не хватает. Вот не хватает магов! Выпускники училищ еще идут, но там же ж кто... простолюдины... Первое поколение, может, второе... И сил мало, и вовсе...

— А нормальные маги у нас чем занимаются? — Император прищурился, и Василевскому вновь подумалось, что на самом деле медведь — зверь-то вполне себе милый, понятный кругом и полностью. — А я скажу вам, чем у нас занимаются нормальные маги... — Император открыл следующую папку. — Пасквили вот сочиняют зловердные... — На стол легла газетка и прикрепленный к ней листок. Надо полагать, с именем. Наверняка с тем же, что лежало в кармане пиджака князя. — Или вот... — Еще одна газетка. — Два выпускника, практически готовых мага, затевают гонки в центре города. В итоге что?

— Что? — шепотом повторил министр здравоохранения, нащупывая в кармане успокоительное, поскольку точно знал «что» и «кто».

И даже успел высказать сыну — младшему, позднему и безмерно балованному — недовольство его поведением. Но вот подобного поворота явно не ожидал.

— Разбитая витрина. Раскуроченный магазин... — Недовольный владелец, требовавший непомерной просто компенсации. И ведь платить придется. Уже оплачено и зафиксировано юристами рода. — Не говорю уже о снесенном вторым героем фонаре и ограде. Чудом никто не погиб. Или вот... что у нас дальше?

Еще одна газетка, явно знакомая, если за сердце хватается уже министр транспорта. Василевский даже порадовался, что его старшенький делами рода занят, а младшенький только в пятый класс пошел.

— А тут у нас состязание магов в силе. Поврежден жилой дом, который теперь только под снос. И отчего-то ваше ведомство пытается доказать, что повредился он путем естественного износа. Притом что он еще не был введен в эксплуатацию! На ваше счастье...

— Почему на счастье? — шепотом осведомились у Василевского.

— Потому что иначе не обошлось бы без жертв! — рявкнул император. — И то сторож в больнице, техника раскурочена, а дом придется возводить наново...

— Мы компенсируем, — робко произнес министр транспорта, выразительно поглядев на главу строительной отрасли, который и предложил повесить убытки на подрядчика.

Мол, материалы некачественные использовал при возведении. Пониженной магостойкости.

— Компенсируете, куда вы денетесь. А вот еще... — Очередная газетка, подарившая Василевскому кучу весьма выразительных взглядов. Будто он ее писал-то. Раньше надо было закрывать, много раньше. — Это, если не ошибаюсь, ваш племянник?

Император взял газету за краешек и повернулся к главе министерства по чрезвычайным ситуациям.

Князь Кошкин, до того сидевший спокойно, даже расслабленно, ибо за его министерством особых проблем не числилось, выпрямился.

— Явился на прием к княгине Безуховой в носках...

— А это разве запрещено? — не выдержал Василевский, обратившись к главному полицмейстеру страны.

— Нет, кажется...

— Вы не поняли, господа. Он явился на прием в одних лишь носках, — продолжил император. — Воспользовался тем, что заявлен был маскарад, укрылся плащом, кой и скинул пред княгиней.

Князь побледнел.